

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В XVII вв.

А. С. МЕЛЬНИКОВА

Состояние денежного обращения на каждом конкретном этапе развития общества является важным критерием для определения степени развития товарно-денежных отношений в стране, а в некоторой степени — для характеристики социально-экономических отношений в целом. Такие, казалось бы, чисто формальные моменты, как способ чеканки монет, вес, проба, форма монеты, система денежного счета играют весьма существенную роль в процессе товарного обращения, могут способствовать развитию или, напротив, тормозить его.

История русского денежного обращения в XVII в. в настоящее время изучена очень слабо. Не существует даже постановки вопроса о его роли в становлении всероссийского рынка, хотя важность и актуальность такой проблемы очевидна. Экономическое развитие Русского государства в XVII в. поставило перед русским денежным хозяйством сложнейшие задачи. Развитие товарно-денежных отношений в стране требовало все увеличивающегося количества средств денежного обращения, их дальнейшего усовершенствования. Денежное хозяйство в России XVII в. все более становилось одним из существеннейших факторов, от которого в значительной степени зависело дальнейшее экономическое положение страны. Многие явления в русской истории XVII в. не могут быть правильно освещены без знания состояния денежного хозяйства и учета тех проблем, которые оно ставило перед экономикой страны. Однако исследователи русской истории XVII в., как правило, игнорируют денежное хозяйство, его специфику, тенденции развития, его способность к удовлетворению потребности товарообмена. Денежное хозяйство рассматривается только как объект фискальной политики правительства, как средство извлечения дополнительных доходов для казны. Именно под таким углом зрения рассматривается, в частности, грандиозное по замыслу и неудачное по исполнению начинание правительства Алексея Михайловича в середине XVII в. по преобразованию русской денежной системы (1654—1663 гг.). Между тем проведение денежной реформы Алексея Михайловича является свидетельством и следствием очень важных социально-экономических процессов в Русском государстве. Выяснению особенностей русского денежного обращения в первой половине и середине XVII в. и посвящается настоящая статья.

Русская денежная система XVI—XVII вв. была обычной для средневековой Европы. Она представляла сочетание большого количества счетных единиц и очень малого числа реально существующих номиналов. Русское денежное обращение XVI—XVII вв. после реформы 1534 г. фактически знало только копейку; деньги и полушки ($\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ части копейки) чеканились очень мало и в обращении почти не участвовали, особенно в XVII в. Основные денежные единицы — рубль, полтина, полуполтина, гривна, алтын были чисто счетными понятиями. В XVI в. в Европе появляется крупная серебряная монета — талер и его фракции. Система счетных единиц все более уходит в прошлое. Начинает употребляться низкопробное серебро при чеканке мелких номиналов. Эти изменения не отразились на русской денежной системе XVI—XVII вв. Хотя талер проник и на русскую территорию («ефимок» в русских источниках), но здесь он выступал главным образом в роли сырья для чеканки русских монет: копеек, денег и полушек.

Созданная в начале 30-х годов XVI в. общегосударственная денежная система оказалась очень гибкой и жизнеспособной. Политические и экономические потрясения внутри страны, внешнеполитические события XVI — самого начала XVII в. никак не отразились на ценности русской монеты. Маленькие серебряные русские копейки сохраняли неизменным свой вес (0,67—0,68 г) и 960 пробу.

Однако эта крепкая денежная система была за короткое время развалена польскими и шведскими интервентами, которые организовали собственную чеканку в Москве и Новгороде. К 1612 г. вес русской копейки был ими снижен до 0,48—0,50 г. Ни правительство Ополчения Минина и Пожарского, чеканившее общегосударственную монету в Ярославле и Москве, ни пришедшее в 1613 г. к власти правительство Михаила Федоровича не смогли поднять вес русской копейки, — страна была наводнена легковесными монетами интервентов. Вес копеек Михаила Федоровича выдержан в норме 4-рублевой стопы (из весовой гривенки, равной 204,756 г чеканили 400 копеек, то есть 4 рубля). Вес копейки 4-рублевой стопы равнялся 0,50—0,51 г¹.

Однако и этот вес оказался недолговечным. Уже в начале 20-х годов вес копейки снижается до 0,48—0,49 г, около 1626 г. — до 0,46—0,47 г; к концу царствования он достигает уже 0,45 г². При весовой норме 0,45—0,47 г начинается чеканка монет при Алексее Михайловиче (1645—1676). Эта норма сохраняется при Федоре Алексеевиче (1676—1682), но в правление Иоанна и Петра Алексеевичей (1682—1689) она снижается до 0,38—0,40 г. В самом конце века вес копейки падает до 0,27—0,28 г. Изменяется не только весовая норма, но и качество серебра в монетах. После 1626 г. единообразная высокая проба монет (960) сменяется более низкими пробами, в чередовании которых нельзя уловить какой-либо закономерности (встречаются монеты 960, 916, 900, 875 и более низких проб). Такое качество серебра остается неизменным весь XVII в.

Из трех постоянно действовавших со времени правления Ивана IV русских денежных дворов — Московского, Новгородского и Псковского — ведущее положение занимал Московский. Все серебро, поступавшее непосредственно в казну, отдавалось на Московский денежный двор. Здесь выполнялись, главным образом, правительственные заказы. Казна закупала у торговых людей серебро и сдавала его в «денежный передел». За гривенку высокопробного, очищенного серебра казна платила 3 рубля 50 копеек, за гривенку ефимков, качество серебра в которых было ниже, платили 3 рубля³. Количество монет московской чеканки, дошедших до нас в многочисленныхкладах, намного превышает количество псковских и новгородских монет, из чего также, видимо, следует, что на Московском денежном дворе перерабатывалась основная масса серебра, поступавшего в страну.

На Псковском и Новгородском денежных дворах организация денежного дела отличалась от московской. Здесь чеканка монет целиком зависела от частной инициативы купечества, получавшего серебро от внешней торговли. Указ 1617 г. о возобновлении работы Новгородского денежного двора после освобождения Новгорода от шведов сообщает уже о некоторых изменениях в порядке приема серебра в денежный передел. По-прежнему право частного заказа оставалось в силе. Торговые люди могли приносить для перечеканки в монету серебро, ефимки и «ветошь» (здесь серебряный лом). Однако порядок взимания пошлин с владельцев серебра устанавливался такой, при котором заказчику было выгоднее просто продавать свое серебро на денежный двор, по 3 рубля с полтиной за гривенку серебра любого качества, чем отдавать серебро в перечеканку, платить пошлины и получать на руки отчеканенные из этого серебра монеты. В последнем случае заказчика ожидал

¹ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1953 по 1617 гг. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 44, М., 1955.

² А. С. Мельникова. Систематизация монет Михаила Федоровича. «Археологический ежегодник за 1959 г.», М., 1960.

³ «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (столбцы Печатного приказа)», под ред. и с предисловием Л. М. Сухотина. «Чтения ОИДР», т. IV, М., 1915, стр. 18.

неизвестный угар серебра, и в результате он мог бы получить на руки гораздо меньшую сумму — всего 3 рубля 25 копеек⁴.

Это был первый шаг к ликвидации права частного заказа. Анализ нумизматических памятников и косвенные указания письменных источников свидетельствуют о том, что около 1626 г. денежные дворы в Пскове и Новгороде закрываются и вся чеканка монет сосредоточивается в Москве. Закрытие периферийных денежных дворов около 1626 г. знаменовало наступление нового этапа в истории организации русского денежного дела в XVII в.⁵ Таким образом, и в организации чеканки монет XVII в. принес с собой новые явления.

Письменные источники, относящиеся к середине XVII в., позволяют составить достаточно полное представление об организации денежного дела в России на этом этапе. Наибольшее количество сведений о денежном производстве приходится на время денежной реформы 1654—1663 гг., когда русское денежное обращение переживало серьезные потрясения и всеобщее внимание к состоянию денежного хозяйства страны нашло отражение в самых разнообразных письменных источниках. На время денежной реформы — на 9 лет были открыты дополнительные денежные дворы в Москве (Новый или Английский двор), восстановлены Псковский и Новгородский и очень недолго (с конца 1658 — начала 1659 до 1661 гг.) работал денежный двор в Кукенойске. Продолжал работу старый денежный двор в Москве. Помимо многочисленного, но разрозненного актового материала, до нас дошли от этой эпохи три первоклассных источника, до сих пор неопубликованных: книги Псковской приказной избы (1655—1660), описи Нового английского денежного двора в Москве и записка московского служилого человека Никиты Зузина о Новгородском денежном дворе от 1659 г.⁶

Из этих источников мы узнаем, что денежные дворы середины XVII в. были очень внушительными для этого столетия предприятиями. На каждом из обоих московских денежных дворов работало около 600 человек (половину приблизительно составляли собственно денежные мастера, половину — подсобные рабочие: кузнецы, волочильщики, подметчики); на Псковском дворе количество рабочих было не меньше, а может быть, и больше 600 человек (точных сведений о численности рабочих здесь не имеется), на Новгородском — около 200 человек. О Кукенойском дворе сведений нет.

Сырье на денежные дворы поставлялось через казну. В Москве этим занимался Приказ Большой казны, в ведении которого находились вообще денежные дворы. Приказ Большой казны имел своих торговых агентов, которые покупали на казенные деньги монетное сырье. Администрация денежного двора получала это сырье из Приказа; все поступления сырья тщательно фиксировались в книгах, хранящихся в приказной избе на денежном дворе. На периферийных дворах имел место несколько иной порядок. Здесь заготовкой сырья занимался сам денежный двор. У него имелся свой штат поставщиков сырья («подрядчики»), которые получали от двора деньги на покупку сырья; в книгах денежного двора эти выдачи денег и покупки металла тщательно фиксировались. Денежные дворы могли покупать монетный металл и у торговых людей. Продавать сырье можно было только «государеву денежному двору». За нарушение этого приказа полагалась смертная казнь.

Столь же централизованным было распределение готовой продукции. Тщательно подсчитанные, рассыпанные по мешкам, с ярлыками

⁴ И. Г. С п а с с к и й. Денежное обращение Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. «Археографический ежегодник за 1959», стр. III—112.

⁵ А. С. М е л ь н и к о в а. Систематизация монет Михаила Федоровича. См. также ее же. Денежное обращение в Русском государстве в первой половине и середине XVII века (по нумизматическим данным). Автореф. канд. дисс., М., 1964.

⁶ Псковский краеведческий историко-художественный музей, № 295/49, 298/49, 296/49, 299/49; ЦГАДА. Дела Английского денежного двора, ф. 361/1; Там же. Разрядный приказ, ф. 210, Безгласный стол, стлб. 90, лл. 84—98.

старост денежного двора, ответственных за монетный передел, записанные в соответствующие книги, деньги отвозились в Приказ Большой казны. Такой порядок существовал для всех денежных дворов. Книги Псковской приказной избы сообщают о многочисленных подводах с деньгами, направляемых в Москву с денежного двора под специальной охраной. Однако здесь нередко правило нарушалось, и функции Приказа Большой казны брал на себя воевода, который мог распорядиться о выдаче некоторых сумм с денежного двора на городские, а чаще всего на военные нужды — для уплаты войскам. Но, как правило, правительство распоряжалось всей продукцией, имеющейся на денежных периферийных дворах, и из Москвы посылало распоряжения о расходовании на месте даже самых ничтожных сумм.

Приказ Большой казны в Москве и воеводы в Новгороде и Пскове полностью руководили денежными дворами. Через них комплектовалась рабочая сила, утверждалась администрация двора — голова и целовальники, присылались стрельцы для охраны двора. Высшей судебной инстанцией для работников денежных дворов был Приказ Большой казны. Следовательно, в организации денежных дворов середины XVII в. мы видим существенное отличие от положения дела в XVI — начале XVII в., которое заключается в максимальном подчинении денежных дворов центральной власти, в монопольном праве правительства обеспечивать сырьем денежные дворы, чеканить монеты и распоряжаться готовой продукцией.

Кратковременное отступление от принятого в 1626 г. порядка, заключавшееся в организации 5 денежных дворов в 1654—1663 гг., в целом уже не могло изменить наладившейся к середине XVII в. системы организации денежного дела. Запрещение права частных заказов, передача снабжения сырьем денежного двора и распределения готовой продукции полностью в ведение государства приносило большие выгоды казне. Одновременно это нововведение позволяло лучше организовать монетное производство.

1626 г. несомненно был важной вехой в истории русского денежного обращения, отмеченной первым значительным снижением веса и пробы монеты, сокращением центров чеканки.

Развитие торговли в XVII в. требовало все большего количества денег в сфере товарооборота. Нехватка монет способствовала развитию ростовщических операций, в которых участвовали свободными капиталами купечество, светские и духовные феодалы.

Особенно ощущался недостаток средств денежного обращения на отдаленных окраинах страны. В связи с этим наблюдается чрезвычайно любопытное и своеобразное явление — там появляются суррогаты денег, используемые в торговле. Так, в Поволжье вместо копеек ходили так называемые «мордовки» (подражания русским монетам XVI—XVII вв. и даже XV в.) из низкопробного серебра, чеканенные местными ремесленниками⁷. Чеканка их была стихийной реакцией местного населения на нехватку монет.

Очевидно, теми же причинами — нехваткой ходячей монеты — было вызвано очень интенсивное распространение на северо-западных окраинах страны так называемых «корелок». «Корелки» были также подражаниями русским копейкам, в большом количестве изготавливаемыми в Дании после 1619 г. Вначале они предназначались для снабжения датской торговой компании, которая собиралась торговать с русским населением в районе Печоры без посредничества русских купцов⁸. Русское правительство не допустило датчан на Печору, но чеканка «корелок»

⁷ И. Г. Спасский. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI века и так называемые «мордовки», «Советская археология», 1954, т. XXI.

⁸ Gert Harz. Denninge. «Zeitschrift für Ostforschung», II, Jahrgang, 1962, Hft. I. S. 1—37.

продолжалась. Датчане сбывали их местному населению, и вскоре все северо-западные районы оказались наводненными «корелками». Они проникли и в центральные районы. Лишь энергичные меры правительства в 30-х годах XVII в. положили конец их распространению⁹.

«Мордовки» и «корелки» были не единственными видами фальшивых денег, имевших хождение в России XVII в. Чеканка их в этот период получила небывалый размах. Обилие фальшивых монет, пожалуй, можно назвать наиболее характерной чертой русского денежного обращения XVII в. Они встречались и в XVI в., но довольно редко.

Фальшивые или «воровские» деньги XVII в. — весьма своеобразное явление. Сделанные примитивной ручной техникой, той же, которая применялась и на государственных денежных дворах, они на первый взгляд ничем не отличались от подлинных монет. Лишь тщательное сличение по штемпелям показывает, что фальшивые монеты никогда не имеют общих штемпелей с подлинными. Другим формальным признаком фальшивых монет является или их чрезвычайно низкий вес, или очень плохое качество серебра. Изображения и подписи на них, как правило, очень плохо выполнены. Большинство фальшивых монет подражает монетам Михаила Федоровича как наиболее распространенным в XVII в. Чеканщики фальшивых монет нередко объединялись. Между ними существовало определенное разделение труда. Они работали несколькими штемпелями, и их монеты представляют небольшие группы, связанные внутри соотношением штемпелей. Существовала категория наемных фальшивомонетчиков¹⁰.

В 1637 г. правительство вводит смертную казнь для фальшивомонетчиков вместо практиковавшейся до этого «торговой казни», конфискации имущества и последующей за этим ссылки. Уложение 1649 г. подтверждает наказание за чеканку фальшивых монет смертной казнью. В 1661 г. смертная казнь отменяется и заменяется конфискацией имущества и отсечением рук, или, при меньшей степени вины, поркой. Такой «либерализм» можно объяснить только тем, что именно в эти годы, годы проведения денежной реформы 1654—1663 гг., классовая борьба в стране крайне обострилась; в 1662 г. вспыхнул «медный бунт», вызванный голодом и дороговизной в результате обесценивания денег. Правительству в этих условиях следовало соблюдать осторожность.

Нельзя сомневаться в том, что обилие фальшивых монет было верным симптомом тяжелого состояния русского денежного хозяйства в XVII в. Русские копейки, маленькие, неправильной формы, с примитивным однообразным, часто полустершимся рисунком, нетрудно было подделывать; порча монеты правительством (неоднократное снижение веса и пробы, прослеженные нами выше) подрывала доверие населения к русским деньгам и еще более способствовала распространению фальшивых монет. Иностранцы писали, что с русскими деньгами «обращаться неприятно — они маленькие, скользкие и легко падают сквозь пальцы. Между ними подсунуто и много фальшивых посеребренных, медных и свинцовых копеек; поэтому нужно хорошенько этого беречься. Они также бывают иногда более недействительные, если изображение и надпись уже так стерлись от старости и большого употребления, что их нельзя более разобрать»¹¹. Отсутствие системы крупных и мелких номиналов, использование в качестве сырья только одного дорогостоящего серебра, возможность легко подделывать русские копейки создавали большие неудобства для внешней и внутренней торговли и одновременно открывали широкие возможности для злоупотреблений.

⁹ А. С. Мельникова. Русско-датские монеты XVII в. в собрании ГИМ. «Ежегодник Государственного Исторического музея», М., 1960.

¹⁰ ЦГАДА, Разрядный приказ, ф. 210, Белозерский стол, стлб. 294, лл. 290—291.

¹¹ Г. Б. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 154—155.

История русского денежного обращения показывает, что массовая порча монет всегда была следствием критического состояния денежного хозяйства. Так было в 30-х годах XVI в., когда в стране началась порча монеты путем обрезывания ее. Денежная система, сложившаяся в период феодальной раздробленности, в XIV—XV вв., уже не могла отвечать нуждам экономического и политического развития складывающегося централизованного государства. В 1534 г. была проведена денежная реформа, запретившая обращение обрезанных денег и завершившая создание общерусской денежной системы. Спустя сто лет в Русском государстве наблюдаются сходные явления. Необходимо было провести ряд преобразований русской денежной системы, чтобы приспособить русские монеты к новым условиям.

Некоторые тенденции экономической политики русского государства в XVII в. принято характеризовать как элементы меркантилизма, экономической политики государств, ставших на путь буржуазного развития. Однако русский меркантилизм существенно отличался от западноевропейского. Он возник на базе мелкого ремесленного производства при господстве натурального феодально-крепостного хозяйства.

Экономическая политика русского правительства в основном свелась к системе протекционистских мероприятий в отношении внешней торговли. Самая же существенная часть меркантилистической теории — увеличение массы драгоценных металлов в стране путем развития внутренней и внешней торговли и товарного производства, путем свободного вывоза денег для купли-продажи за пределами страны — в русской экономике получила иное направление. Русское правительство, наоборот, всемерно препятствует вывозу русской монеты из страны, ревниво оберегает анахроничный вид русской копейки от каких-либо внешних изменений, чтобы не допустить свободного обращения ее на западноевропейском рынке. Своих торговых агентов русское правительство старалось снабжать ефиками. Иностранцы с неохотой получали русские деньги. В 1650 г. шведский резидент Иоганн де Родес сообщает с неудовольствием из России в Швецию, что он был вынужден получить вместо 20 000 дукатов (золотых), предназначенных Швеции от русского правительства, русские копейки, по 100 копеек за дукат. Он предполагал эти деньги «выменять на дукаты на нашей границе и в лифляндских городах, где русские деньги в ходу»¹².

Во время русско-польских переговоров в 1635 г. поляки предложили ввести в Русском государстве деньги, одинаковые с польскими. Русские дипломаты решительно отказались, на том основании, что в Польше и Литве обращаются деньги разных достоинств, наряду с золотыми и серебряными — медные, «в Московском же государстве торгуют русскими копейками и московками, они хотя и дробны, зато сделаны из чистого серебра»¹³.

Крупнейший русский экономист XVII в. А. Л. Ордин-Нащокин предлагал такой наиболее выгодный, с его точки зрения, способ увеличения запасов драгоценных металлов в стране: устроить денежные дворы в наиболее крупных пограничных городах, чтобы здесь же на месте перерабатывать привозимое иностранцами серебро в русскую монету. По его инициативе был устроен денежный двор в крепости Кукенойс, отнятой у шведов во время русско-шведской войны 1656—1661 гг.¹⁴ В 1665 г., в бытность свою воеводой в Пскове, Ордин-Нащокин вновь выдвигает идею устройства денежных дворов в пограничных городах. Это входило в подготовленный им проект городского устройства, в котором последо-

¹² Иоганн де Родес. Подробное донесение о происходящей в России коммерции, «Чтения ОИДР», т. II, 1915, стр. 17.

¹³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, т. 9, М., 1961, стр. 181.

¹⁴ А. С. Мельникова. Чеканка монет в Кукенойсе в середине XVII в. «Советская археология», 1964, № 3.

вательно и полно проводились принципы меркантилизма. Необходимость денежного двора обосновывается следующими соображениями: «Для беспомешных торговли и скорые разделки в товарах меж Русскими людьми и к великому сбору денежные казны быть во Пскове денежному двору... и сего ради приезжие Русские люди отвозить ефимков не учнут в розные порубежные города, а для добрых цены у кого сколько будет ефимков, и сверх указных учнут отдавать ефимки во Пскове на денежный двор, и прибыль учинетца из фунтов (то есть из всего ефимочного серебра.— А. М.) великого государя казне большая... А не быть денежному двору во Пскове, и торги добрые не будут»¹⁵.

Другим средством увеличения доходов казны Ордин-Нащокин считал удешевление монетного металла, замену серебра медью. Эти идеи он пропагандировал во время денежной реформы 1654—1663 гг., когда русское денежное обращение обслуживалось медной копеей. Ордин-Нащокин предлагал использовать медные деньги внутри страны для закупки товаров, пользующихся наибольшим спросом на внешнем рынке (льна, пеньки, поташа, юфти и пр.) и обменивать последние у иностранных купцов на драгоценные металлы. Сохранились сведения о собственных торговых операциях Ордин-Нащокина в Прибалтике в 1656—1661 гг., в которых он практически осуществлял свои идеи¹⁶.

С совершенно иных позиций выступал представитель западноевропейского меркантилизма Юрий Крижанич, приехавший в Россию в 1661 г. Он предложил ввести в России новую денежную систему по западноевропейскому образцу: с золотым рублем — дукатом, серебряными полтинами — талерами, гривной и «шестиной». В качестве монетного металла предлагалось использовать золото, серебро, биллон и медь. Крижанич считал нужным допустить свободное обращение в России западноевропейских монет, как это практиковалось в большинстве стран Западной Европы. Он резко выступал против порчи монеты, критиковал выпуск «медных пенязей», то есть медных копеек¹⁷.

Теоретические воззрения русских меркантилистов XVII в. в области денежного хозяйства можно квалифицировать как теорию денежного баланса, ранней стадии меркантилизма. Согласно этой теории правительство должно было всячески привлекать драгоценные металлы в страну и ни в коем случае не допускать их вывоза, тщательно регулировать движение денег. Русское правительство, как мы видели, вполне последовательно проводило эту политику.

Два обстоятельства были причиной такой политики русского правительства в области денежного хозяйства и теоретической отсталости русских меркантилистов. Во-первых, сказывалась экономическая отсталость русского государства; привлечение денег в страну путем всемерного увеличения товарного производства еще было не под силу русской экономике, феодальной в своей основе. Вторая причина заключалась в особой специфике русского денежного хозяйства — отсутствии сырьевой базы. Русские монеты чеканились из покупного серебра. Правительство прекрасно понимало, что снабжение денежным сырьем только через внешнюю торговлю никак не может способствовать увеличению количества денег в стране. Стремясь не допустить вывоза русских денег за пределы государства, правительство одновременно старалось решить другую задачу — по возможности удешевить и упростить процесс производства монет.

Имеются все основания считать, что первый шаг в этом направлении был сделан около 1626 г. После 1626 г., как мы видели, проба монет

¹⁵ «Дополнение к Актам историческим» (далее: ДАИ), т. V, СПб., 1853, № 1.

¹⁶ «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сб. документов», М., 1960, стр. 194—195.

¹⁷ «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича». Открыл и издал П. А. Бессонов, М., 1868, стр. 178, 200.

была понижена. Бросается в глаза отсутствие однообразия в пробах, так характерное для монет, чеканившихся до 1626 г. Высокая проба монет до 1626 г. достигалась специальной обработкой монетного сырья: талеры, которые имели всегда неодинаковую пробу, предварительно очищали от недрагоценных примесей. Об очищении талерного серебра перед чеканкой сообщает Торговая книга. Сравнение проб талеров и проб русских монет после 1626 г. показывает их полное тождество. Это наблюдение является очень веским доводом в пользу предположения о переходе после 1626 г. к чеканке русских монет из серебра талерной пробы, то есть, проще говоря, из неочищенных талеров.

Ряд источников сообщает более или менее точно о норме выхода копеек из талера при перечеканке его в русские монеты. Правда, сведения эти распространяются по времени неравномерно. Торговая книга сообщает, что из талера после его очистки получалось 38—38,5 копеек. Для первой половины XVII в. сведений не имеется. В середине XVII в. согласно ряду свидетельств из талера получается 64 копейки¹⁸. Вес 64 копеек середины XVII в. точно соответствует весу талера, а из этого следует, что талер перед чеканкой не очищали, иначе он потерял бы часть своего веса.

О понижении ценности русской копейки после 1626 г. населению не сообщалось. Все официальные документы продолжают говорить о русской копейке как о высокопробной. Русские послы в 1635 г. сообщали польским дипломатам о том, что русская копейка чеканена из чистого серебра. Во время русско-шведских переговоров 1649 г. русские дипломаты указывали на преимущество русской копейки перед шведскими монетами на том основании, что русские копейки «деланы из чистого серебра, не так, как у них, в Свее, медными шкилевыми денгами торгуют». Далее они сообщали о технике чеканки русских монет: «Как из ефимков русские денги переделывают, а из ефимков много руды выходит и в денгах остается серебро самое чистое», то есть описывали старый способ очистки талеров перед чеканкой. Однако шведские послы жаловались, что «русские де денги ефимков легче, и денги живут всякие»¹⁹. Настоячивые уверения русских дипломатов в чистоте русской копейки, какое-то нарочитое изложение способа чеканки русских монет вряд ли были случайны. Очевидно, это понадобилось потому, что доверие к русской копейке на западноевропейском рынке, где она ценилась главным образом как высокопробное серебро, несколько колебалось.

И. Г. Спасский, впервые обративший внимание на сообщения иностранцев в 40-х годах XVII в. о норме выхода копеек из талера и сделавший на этом основании вывод о чеканке монет из неочищенного ефимочного серебра, относит это явление к началу правления Алексея Михайловича. Такую датировку он мотивирует также тем, что «наиболее серьезные перемены (ухудшения) в денежном деле часто приурочивались к началу нового правления», и связывает это событие с кругом прочих экономических мероприятий правительства фискального характера конца 40-х годов XVII в.²⁰ Приведенные выше наблюдения, в том числе и наблюдения над пробой серебряных копеек Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что это важнейшее изменение техники чеканки русских монет следует относить не к концу 40-х годов, а к концу 20-х годов XVII в. и связывать его

¹⁸ П. Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII в., вып. II, М., 1897, стр. 116; Г. Б. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. т. II, стр. 160, 169; «Путешествие в Россию барона Мейерберга», «Чтения ОИДР», 1874, кн. I, стр. 178; Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906, стр. 198.

¹⁹ Цит по кн. К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в., М., 1887, стр. 242—243.

²⁰ И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. реформа 1654—1663 гг., стр. 115—117.

с комплексом всех изменений в русском денежном хозяйстве после 1626 г. Общая направленность энергичных мероприятий правительства в первые годы правления Алексея Михайловича по укреплению финансовой системы и общего экономического положения страны исключает, на наш взгляд, возможность порчи монеты в эти годы. Напротив, изучение штемпелей серебряных монет Алексея Михайловича свидетельствует о том, что именно в начале правления были приняты меры по улучшению техники чеканки. Внешний вид монет несколько улучшился.

Все эти наблюдения — понижение пробы монет после 1626 г. и совпадение ее с пробами талеров, понижение веса (сопровождающее ухудшение качества серебра в монетах), некоторое изменение стилистических особенностей рисунка на копейках после 1626 г. — свидетельствуют о том, что около 1626 г. правительство провело денежную реформу. (Хотя эти изменения в русском денежном хозяйстве не сопровождались обычным для денежной реформы изъятием старых монет из обращения и введением новых. Напротив, правительство старалось скрыть все эти новшества.) Смысл реформы заключался прежде всего в удешевлении и упрощении монетного производства.

Другим важнейшим событием в истории русского денежного обращения XVII в. было введение государственной монополии на покупку ефимков и установление в зависимости от этого твердой «уставной» цены на ефимки. Первое сообщение об этом имеется в царском наказе 1649 г. гостю, головам и целовальникам города Архангельска. «У которых приезжих немец будет в привозе ефимки, и те ефимки покупать на государя, на товары и деньги иметь в таможенные пошлины, а мимо государевой казны ефимков никому покупать не велел и о том заказать накрепко..., чтобы никто ефимков на себя без государева указа не покупали, а которые русские люди учнут ефимки покупать или менять безъявочно... про то сыскивать накрепко, чтобы впредь не повадно было никому мимо государева указа делать»²¹. Торговые люди теперь привлекались только в качестве подрядчиков, которые авансировать правительством для закупки талеров в казну. На ярмарки посылались торговые люди, которые в порядке несения государевой службы должны были принимать ефимочную казну и отвозить ее в Москву. В 1646 г. ярославские, вологодские, костромские и других городов торговые люди подали царю челобитье об освобождении их от службы по приемке ефимков на Архангельской ярмарке и отвозу их в Москву²². В наказе 1649 г. сообщается, что на царский указ, запрещающий свободную куплю-продажу ефимков, ссылались в 1647 г. иностранные купцы — голландцы и «анбурцы». Следовательно, введение монополии на торговлю ефимками следует относить к самым первым годам правления Алексея Михайловича. Очевидно, ее можно связывать с введением в 1646 г. системы новых пошлин, ставящих русских купцов в более выгодное положение по сравнению с иностранцами. Все эти мероприятия закладывали основы протекционистской политики русского правительства и должны были служить укреплению выгодного торгового баланса во внешней торговле. В то же время благодаря этому правительственному мероприятию в руках государства сосредоточивался весь запас драгоценных металлов. Это было необходимым средством для более правильного и планомерного снабжения сырьем денежного двора.

Другой путь увеличения запаса драгоценных металлов в стране правительство видело в разработке собственных месторождений драгоценных руд. Но для этого их нужно было найти. В 50-х годах снаряжается несколько экспедиций «для сыску серебряной руды» в Сибирь и на север.

²¹ ДАИ, т. III, СПб., 1848, № 55, стр. 189—190.

²² К. В. Базилиевич. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича. «УЗ МГУ», вып. 41, История, М., 1940, стр. 10.

«Рудознатцы» обещали местным жителям «великого государя милость» за сведения о серебряных рудах, «служилым людям жалованье большое, а с посадских и с ясачных людей оброки и всякие подати будут сняты»²³. Воеводам сибирских и северных городов предписывалось также узнавать у населения подробные сведения о нахождении драгоценных металлов и сообщать о них в Москву. На них же возлагалась обязанность оказывать всяческое содействие прибывшим к ним экспедициям, «рудознатным серебряникам». Лишь в единичных случаях экспедиции посылались непосредственно для разработки серебряных руд (например, на Кольский полуостров), но безрезультатно²⁴. Лихорадочные поиски новых источников поступления монетного сырья не увенчались успехом. Не имеется никаких сведений о разработках каких-либо месторождений серебра.

Естественным следствием всей политики русского правительства в отношении денежного хозяйства была денежная реформа 1654—1663 гг. Согласно ее первоначальным замыслам предполагалось решительное изменение русской денежной системы: организация чеканки крупных номиналов и введение медных монет. В 1654 г. началась чеканка рубля, полтины, полуполтины, гривны и алтына. Старые копейка и деньга оставались как самые мелкие номиналы. Вес основной единицы — рубля уравнивался с весом талера. Тем самым русская денежная система должна была приблизиться к западноевропейской. Внешняя торговля избавлялась от многих неудобств, связанных с обращением в России копейки, не похожей ни на одну из западноевропейских монет. Не могла не сыграть роль и необходимость уравнивать денежное обращение России с денежным обращением только что присоединенной Украины, которая ранее обслуживалась польской монетой²⁵.

Однако эта грандиозная программа выполнялась крайне безграмотно. Вес нового рубля был приравнен к талеру, то есть к 27 г серебра; рубль старыми серебряными копейками, не изъятыми из обращения во время реформы, весил около 45—47 г ($0,45 \times 100$). Следовательно, новый рубль сразу становился неполноценным. Введение медных монет в обращение было еще более неосторожным. Серебряными в новой системе были рубль, полуполтины и старые копейки, медными — полтины, алтыны и грошевики (2 коп.). Медь номинально приравнивалась к серебру. Таким путем правительство пыталось попутно решить вторую задачу реформы: извлечь выгоды для казны от чеканки новых денег. Не случайно население с недоверчивостью отнеслось к новым монетам — «тарелям». Правительственные указы 1654 — начала 1655 гг. полны тревожными сообщениями об отказе населения брать новые деньги. Правительство даже обещает отменить их, как только кончится война с Польшей. Однако новые деньги просуществовали гораздо меньший отрезок времени. Новый денежный двор (Английский), созданный специально для их производства, не мог справиться с новой техникой чеканки; население продолжало игнорировать новые деньги. Именно в это время зарывается в землю множество кладов старых серебряных копеек, которым население доверяло и которые прятало на всякий случай. В 1655 г. правительство делает первый шаг к отмене реформы: вводятся «ефимки с признаком» — талеры, на которые надчеканивается старый копеечный штампель и которые приравниваются к 64 копейкам, что как раз соответствует числу старых серебряных копеек, соответствующих весу одного талера. Однако новые «талеры», хоть и не чеканятся больше, из обращения не изымаются. И наконец, осенью 1655 г. проис-

²³ «Акты исторические», т. IV, СПб., 1842, № 239.

²⁴ А. А. К у н и к. К вопросу о серебрянорудном промысле в районе Белого моря. «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 7, 1959, стр. 154—181.

²⁵ И. Г. С л а с с к и й. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII века и реформы 1654—1663 гг.

ходит окончательный отказ от прежних замыслов — правительство сводит всю реформу к извлечению из нее выгод для казны. Возобновляется чеканка старой копейки, но в отличие от дореформенной, копейка чеканится не из серебра, а из меди. Медную копейку приравняют к серебряной. Для ее чеканки открываются дополнительные денежные дворы в Москве, Новгороде, Пскове, Кукунойсе. «Тарели» серебряные и старые серебряные копейки правительство начинает скупать.

Печальный конец реформы хорошо известен. Обесценивание медной копейки вызвало полное расстройство денежного обращения, дороговизну и голод. Вскоре после «медного бунта» (1662 г.) был положен конец чеканке медных копеек, вновь открытые денежные дворы были закрыты, и на Старом московском денежном дворе возобновилась чеканка серебряных копеек (июнь 1663 г.)²⁶. Казна выкупала медные копейки по курсу за 1 серебряную копейку 100 медных. Так закончилась первая серьезная попытка усовершенствовать русскую денежную систему. Со всеми своими недостатками, еще более усугублявшимися со временем, эта система просуществовала до конца XVII в.

Причина неудачи реформы заключалась не только и не столько в отсутствии необходимых знаний и опыта у ее инициаторов. Та же судьба постигла, как известно, все экономические начинания А. Л. Ордина-Нащокина, который, один из немногих в России XVII в., понимал необходимость серьезных преобразований в отсталой русской экономике. Хотя необходимость денежной реформы представлялась очевидной некоторым современникам, для успешного ее проведения не созрели достаточные экономические и политические предпосылки. Успех денежной реформы мог быть обеспечен лишь при решении проблемы монетного сырья, то есть при разработке собственных природных запасов сырья и при всемерном развитии внешней торговли.

Усовершенствование денежной системы было лишь одним моментом в системе экономических и социальных преобразований, объективно способствующих созданию более благоприятных условий для формирования и развития буржуазных элементов в России. Успех этих преобразований, в свою очередь, во многом был обусловлен состоянием денежного обращения в стране.

Было бы, конечно, большим преувеличением видеть в политике русского правительства в области денежного хозяйства осуществление какой-либо планомерной, продуманной программы. Этого не могло еще быть в России XVII в. Изучение основных направлений экономической политики русского правительства в области денежного хозяйства наглядно свидетельствует о непоследовательности этой политики. Фискальные интересы правительства и сознание несовершенства русской денежной системы тесно переплетались, в сущности, во всех правительственных начинаниях в этой области.

Отсталая русская денежная система в XVII в. становилась одним из серьезных препятствий, тормозящих развитие русской экономики в условиях складывающегося всероссийского рынка. Не случайно поэтому одной из первых реформ Петра I была именно денежная реформа. Весьма характерно также и то, что денежная реформа Петра I повторяет первоначальный замысел неудачной реформы Алексея Михайловича. Также вводилась система крупных и мелких денежных единиц из серебра и меди, также вес рубля приравнивался к весу талера. Но реформа, проводимая четверть века спустя, была тщательно продумана и подготовлена: ей предшествовало предварительное снижение веса мелких серебряных копеек, после чего копейка стала составлять $\frac{1}{100}$ талера. Лишь тогда был отчеканен рубль в весе талера. Реформа проводилась очень осторожно; серебряный рубль и медная копейка, так дис-

²⁶ См. И. Г. С п а с с к и й. Русское денежное хозяйство в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг.

кредитированные реформой Алексея Михайловича, появились лишь спустя 4 года после начала реформы, серебряные старые копейки продолжали чеканиться параллельно с новыми монетами на протяжении 18 лет, пока население окончательно не признало новые деньги. Успех реформы в конечном счете обеспечил весь комплекс решительных и глубоких социально-экономических преобразований начала XVIII в. Следует заметить, однако, что проблема монетного сырья всю первую половину XVIII в. продолжала оставаться очень напряженной.

